

УДК 33 DOI: 10.14451/1.257.280

Типология регионов России по уровню развития рекреационного сектора и апробация динамической модели на примере трех типов территорий

© 2026 **Щукин Денис Андреевич**

Аспирант. Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

E-mail: d_a_shchukin@mail.com

© 2026 **Клюкина Дина Владимировна**

Кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры туризма и социальных коммуникаций. Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия.

E-mail: falileeva142@mail.ru

Ключевые слова: типология регионов, рекреационный сектор, сценарное моделирование, кластерный анализ, Краснодарский край, Ярославская область, Кемеровская область, мультипликативный эффект, региональная политика, туризм.

Статья посвящена типологизации российских регионов по уровню развития рекреационного сектора и апробации динамической модели влияния туризма на региональную экономику на примере Краснодарского края, Ярославской области и Кемеровской области – Кузбасса. Методика исследования сочетает кластерный анализ, динамическую модель с туристским мультипликатором и сценарное моделирование на горизонте 2024–2030 гг. Предлагается четырехкластерная типология регионов: лидеры туристского развития, регионы с потенциалом роста, моноотраслевые территории с точками рекреационного роста и столичные агломерации. Для каждого типа определяются различающиеся параметры развития номерного фонда, туристских потоков, инфраструктурных инвестиций, а также структурные ограничения по мощности территории, инфраструктуре и трудовым ресурсам. Результаты показывают, что максимальный совокупный мультипликативный эффект достигается в диверсифицированных регионах-лидерах, тогда как относительная эффективность инвестиций часто выше в регионах с потенциалом роста. Для моноотраслевых территорий характерна высокая отдача от точечных инфраструктурных проектов при более ограниченном общем мультипликаторе. Полученные выводы позволяют сформулировать дифференцированные рекомендации для региональной политики и распределения бюджетных средств.

Введение

Межрегиональная неоднородность туристско-рекреационного развития в Российской Федерации настолько велика, что единая нормативная политика в сфере туризма неизбежно приводит к различной эффективности вложений и различным экономическим результатам. Регионы-лидеры обладают сформированным спросом, развитым номерным фондом и сложной межотраслевой структурой, благодаря чему дополнительный туристский спрос быстро преобразуется в прирост валового регионального продукта. Регионы с потенциалом роста, напротив, нередко располагают значительными природными, историко-культурными и институциональными ресурсами, но ограничены по инфраструктуре и капиталу. Наконец, для моноотраслевых территорий туризм может выступать инструментом диверсификации, однако масштабы и формы такого эффекта принципиально отличаются от эффектов в регионах-лидерах [4; 5].

Аналитически и практически важной задачей становится не только построение универсальной модели воздействия рекреационного сектора на региональную экономику, но и адаптация этой модели к типологически различным группам субъектов Федерации. Цель статьи состоит в том, чтобы, во-первых, предложить типологию регионов России по уровню развития рекреационного сектора; во-вторых, апробировать динамическую модель на трех представительных регионах; в-третьих, выявить различия в результатах сценарного моделирования и сформулировать типологически дифференцированные рекомендации для региональной политики.

Методы и данные

В основе исследования лежит комбинация трех методических процедур. Первая – кластеризация российских регионов по группе показателей, отражающих уровень развития рекреационного сектора. В набор признаков включаются четыре подшевых показателя интенсивности рекреационного сектора: численность размещенных лиц на тысячу населения, обеспеченность номерным фондом на тысячу населения, занятость в туризме на тысячу населения и до-

бавленная стоимость туризма на душу населения. Показатели общего экономического уровня (ВРП на душу населения, доля инвестиций) исключены из кластеризации, поскольку описывают общее состояние экономики, а не специфику рекреационного сектора. Вторая процедура – применение динамической модели мультипликативных связей [3; 11], в которой туристский спрос трансформируется в прирост отраслевого выпуска через туристский мультипликатор. Третья процедура – сценарное моделирование на горизонте 2024–2030 гг. по трем базовым сценариям, пессимистичному, базовому и оптимистичному.

Эмпирическая база включает данные Росстата [6], ЕМИСС [1], отраслевых бюллетеней по туризму, а также открытые сведения о вложениях в гостиничную и транспортную инфраструктуру [9; 10]. Итоговая панель включает 131 наблюдение (вместо полного числа $9 \times 15 = 135$ регион-лет) вследствие единственной структурной лакуны: для Республики Крым данные по ВРП в системе российского статистического учета доступны начиная с 2014 года (выпадают 4 наблюдения). В динамической спецификации В1 с лаговой зависимой переменной теряется по одному наблюдению на регион, что приводит к $N = 122$. Соответствующие строки исключены из базы как несопоставимые с общей временной структурой панели. В качестве объектов апробации выбраны Краснодарский край как регион-лидер рекреационного развития, Ярославская область как регион с выраженным туристским потенциалом и Кемеровская область – Кузбасс как пример моноотраслевой экономики с рекреационной точкой роста, связанной прежде всего с горнолыжным комплексом Шерегеш. Такой выбор обеспечивает репрезентацию трех разных типов территорий и позволяет сравнить поведение модели при различной исходной структуре экономики.

Ключевые параметры динамической модели заимствуются из методологического блока исследования: доля капитала в производстве рекреационных услуг принимается в диапазоне 0,35;

норма амортизации – около 5% в год; ожидаемый выпускной мультипликатор – 1,6–2,2 в зависимости от степени диверсификации экономики; для моноотраслевых регионов на начальном этапе рекреационного развития нижняя граница диапазона соответствует значению 1,6. Для регионов-лидеров используются более жесткие ограничения по пропускной способности территории и инфраструктуре, тогда как для регионов с потенциалом главными лимитами выступают объем инвестиций и кадровое обеспечение. Для Кемеровской области критически важна фаза предварительного инфраструктурного насыщения, без которой ускорение туристских потоков не приводит к устойчивому росту.

Типология регионов

Проведенный кластерный анализ позволяет выделить четыре устойчивые группы регионов. Первый кластер формируют лидеры туристского развития – территории с высокой плотностью туристских потоков, значительным номерным фондом, заметной долей туризма в региональной занятости и развитой системой межотраслевых связей. К ним относятся Краснодарский край и Республика Крым. Экономический эффект туризма в этих субъектах распространяется на широкий круг сопряженных отраслей, что обеспечивает относительно высокие значения мультипликатора выпуска. В то же время именно для лидеров наибольшее значение приобретают ограничения по инфраструктурной пропускной способности, экологической нагрузке и качеству городской среды [14].

Второй кластер составляют регионы с потенциалом роста. Они отличаются умеренным текущим туристским потоком, но располагают значимыми культурно-историческими, природными или событийными ресурсами. Для этих территорий характерна неполная реализация рекреационного потенциала вследствие ограниченности номерного фонда, транспортной доступности и инвестиционной активности [13]. К данному типу относятся, в частности, Ярославская, Калининградская области, Московская область и Республика Карелия. При успешной политике инфраструктурного насыщения и продвижения именно эта группа способна демонстрировать наиболее высокие темпы прироста рекреационного выпуска [7].

Третий кластер образуют моноотраслевые или индустриальные регионы с локальными рекреационными точками роста [2]. Для них туризм пока не является системообразующей функцией, однако отдельные площадки – горнолыжные комплексы, природные парки, санаторно-курортные зоны, индустриальное наследие – позволяют использовать рекреационный сектор в качестве инструмента диверсификации. В этой логике рассматривается Кемеровская область – Кузбасс. Четвертый кластер – столичные агломерации (Москва, Санкт-Петербург). Несмотря на значительный абсолютный турпоток (6,5–12,7 млн размещенных лиц), подушевая интенсивность туризма здесь ниже, чем у регионов-лидеров, а доля туризма в структуре диверсифицированной столичной экономики остается умеренной [8].

Таблица 1. Усредненные характеристики кластеров регионов России по уровню развития рекреационного сектора.

Кластер	Dres/pop (чел. на 1000 жит.)	Номеров на 1000 жит.	Доля инве- стиций, %	ВДС туризма на душу, тыс. руб.	Модельная интерпретация
Лидеры	1303	36.7	27.1	30.9	Высокий мультипликатор при приближении к ограничениям мощности
Потенциал роста	787	8.1	18.1	25.1	Наибольшая отдача от инвестиций в инфраструктуру
Моноотраслевые с точкой роста	250	3.3	22.1	12.8	Ограниченный, но положительный мультипликатор
Столичные агломерации	894	7.9	14.9	65.9	Высокий ВРП; туризм дополняет диверсифицированную экономику

Параметры модели и сценарии по регионам

Параметры сценариев задаются едиными для всех регионов, что обеспечивает сопоставимость результатов: различия в итогах определяются не произвольным выбором темпов роста, а объективными различиями в исходной базе 2024 года – структуре экономики, доле туризма в ВРП, размере номерного фонда и уровне занятости.

Дифференциация результатов по регионам возникает из различной исходной базы. Базовые показатели 2024 года следующие: Краснодарский край – 10 640 тыс. размещенных лиц, номерной

фонд 211144 номеров, ВРП 5 383 939 млн руб.; Ярославская область – 1074 тыс. размещенных лиц, 9465 номеров, ВРП 1 028 111 млн руб.; Кемеровская область – 774 тыс. размещенных лиц, 9308 номеров, ВРП 1 818 576 млн руб. Модель учитывает обратную связь рекреационной нагрузки (CU) на рост численности размещенных лиц: при превышении порога свободной емкости ($CU > 1$) эффективный темп прироста замедляется линейно. В рассматриваемом горизонте ни один из регионов не достигает порога ($CU = 0,42-0,47$), что указывает на наличие значительного резерва пропускной способности.

Таблица 2. Параметры сценариев (единые для всех регионов).

Параметр	Пессимистичный	Базовый	Оптимистичный
CAGR размещенных лиц, %	1,5	5,0	9,0
CAGR номерного фонда, %	2,5	6,0	10,0
Рост расходов на туриста, %	0	2	4
Мультипликатор	1,6	1,9	2,2

Результаты сценарного моделирования

Результаты модельных расчетов подтверждают, что одинаковые по формальному описанию сценарии приводят к существенно различным

экономическим последствиям в зависимости от типа региона. Для Краснодарского края базовый сценарий дает значительный прирост валового регионального продукта, занятости и налоговых

доходов, при этом к 2030 году численность размещенных лиц достигает 14,3 млн чел., доля туризма в ВРП – 10,8%, а рекреационная нагрузка $CU = 0,42$ остается существенно ниже порога емкости. Однако прирост относительно инерционного сценария оказывается меньше, чем в регионах с потенциалом роста, поскольку экономика края уже находится на высокой траектории развития и часть дополнительного спроса сталкивается с ограничениями мощности. Оптимистичный сценарий обеспечивает наибольший абсолютный эффект, но сопровождается заметным увеличением нагрузки на транспортную инфраструктуру и рынок труда, что требует дополнительных вложений в коммунальную и городскую инфраструктуру [12].

В Ярославской области базовый и особенно оптимистичный сценарии дают более высокую относительную эффективность инвестиций. Это объясняется тем, что исходный уровень загрузки туристических мощностей ниже, инфраструктурные ограничения менее жесткие, а прирост турпотока способен быстрее переводиться в прирост отраслевого выпуска и добавленной стоимости. Для данного типа регионов ключевым фактором успеха выступает не столько поддержание уже сложившегося спроса, сколько целенаправленное сокращение инфраструктурных разрывов и институциональное продвижение территории на внутреннем рынке туризма.

Для Кемеровской области расчеты показывают двойственный результат. С одной стороны, даже умеренное ускорение развития туризма увеличивает диверсификацию экономики и создает новые рабочие места в сервисном секторе. С другой стороны, общий мультипликативный эффект остается ниже, чем в Краснодарском крае и Ярославской области, поскольку региональная структура по-прежнему ориентирована на добывающие отрасли, а цепочки поставок в сфере туризма менее развиты. Интегральная эффективность $\eta_{\text{overall}} = 0,694$ оказывается ниже, чем у Краснодарского края (0,782) и Ярославской области (0,843), что подтверждает ограниченность мультипликатора. Поэтому для Кузбасса приоритетной оказывается стратегия точечных проектов с высокой локальной окупаемостью, а не попытка форсированного масштабирования туристского сектора без соответствующей инфраструктурной и институциональной базы. Для количественной оценки влияния этих параметров используется эластичность валового регионального продукта в 2030 году по отношению к вариации каждого параметра на $\pm 1\%$ в рамках базового сценария. Результаты суммированы в таблице 3. Эластичности отражают чувствительность динамической модели, а не прямые коэффициенты регрессионных уравнений; ранжирование по эластичности не совпадает с ранжированием по статистической значимости коэффициентов в панельных оценках.

Таблица 3. Эластичность ВРП 2030 года при вариации параметров на $\pm 1\%$ (базовый сценарий).

Параметр	Краснодар	Ярославль	Кемерово	Интерпретация
Рост инвестиций	0,284	0,351	0,355	Инвестиционный канал
α (доля капитала)	0,276	0,137	0,149	Структура факторов производства
Мультипликатор	0,097	0,054	0,044	Мультипликативные связи
δ (амортизация)	-0,096	-0,092	-0,092	Износ капитала
Рост TFP	0,030	0,030	0,030	Технологический прогресс
Рост населения	-0,008	-0,008	-0,008	Демография

Источник: рассчитано автором.

Наиболее чувствительными параметрами оказываются темп роста инвестиций и доля капитала (α). Примечательно, что Ярославская и Кемеровская области более чувствительны к инвестиционному каналу (эластичность 0,351 и 0,355 соответственно), чем Краснодарский край (0,284). Этот результат имеет ясную экономическую интерпретацию: в регионах с относительно небольшим накопленным капиталом в рекреационном секторе каждый дополнительный рубль инвестиций дает больший предельный продукт, тогда как в Краснодарском крае с его масштабной инфраструктурной базой эффект убывающей отдачи проявляется отчетливее. Мультипликатор в Краснодарском крае (0,097) также более чувствителен, чем в двух других регионах (0,054 и 0,044), что объясняется более плотной сетью

межотраслевых связей в диверсифицированной экономике. Параметры, находящиеся в начале трансмиссионного механизма, — темп роста инвестиций — обладают наибольшей эластичностью, поскольку их вариация запускает цепную реакцию, последовательно проходящую через все блоки модели. Напротив, параметры на «нижнем» уровне причинно-следственной цепи (рост TFP, демография) демонстрируют минимальную чувствительность.

Доверительные интервалы для роста реального ВРП к 2030 году получены методом Монте-Карло (10 000 итераций, равномерное варьирование параметров в коридоре $\pm 20\%$ от базовых значений). Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4. 90% доверительные интервалы роста реального ВРП к 2030 году (Монте-Карло, 10 000 итераций, базовый сценарий).

Регион	Рост p50	Нижняя (5%)	Верхняя (95%)	Размах CV, %	
Краснодарский край	+0,1%	-5,6%	+6,8%	12,4 п.п.	3,8
Ярославская область	+2,6%	-0,9%	+6,8%	7,8 п.п.	2,3
Кемеровская область	+2,8%	-0,8%	+7,0%	7,9 п.п.	2,3

Источник: рассчитано автором.

Краснодарский край демонстрирует наибольшую неопределенность ($CV = 3,8\%$, размах 12,4 процентных пункта), что обусловлено высокой волатильностью численности размещенных лиц и существенной долей туризма в ВРП: любое изменение параметров модели транслируется в более заметное колебание итогового ВРП. Ярославская и Кемеровская области показывают схожую, более узкую зону неопределенности ($CV \approx 2,3\%$), что характерно для территорий, где рекреационный сектор пока занимает относительно скромную долю в экономике. Сопоставление сценариев показывает, что наибольший совокупный мультипликатор формируется в диверсифицированной экономике с плотной системой межотраслевых связей. Именно поэтому Краснодарский край демонстрирует максимальные абсолютные эффекты по ВРП и занято-

сти. Однако относительная отдача от дополнительных инвестиций оказывается выше в Ярославской области, где инвестиционный импульс не упирается в столь жесткие ограничения по емкости территории и где инфраструктурное расширение создает качественно новую базу для роста.

Обсуждение и типологические рекомендации

Полученные результаты подтверждают необходимость типологически дифференцированной туристской политики. Для регионов-лидеров приоритетом должны становиться не столько масштабные количественные инвестиции, сколько проекты, направленные на повышение качества городского и природного пространства, снижение сезонных перегрузок, развитие высокомаржинальных сегментов, а также на минимизацию экологических и инфраструктурных

рисков. Краснодарский край с его $\eta_{\text{overall}} = 0,782$ демонстрирует высокую абсолютную экономическую отдачу при существенном резерве пропускной способности ($CU = 0,42$). Вместе с тем интегральная эффективность Ярославской области ($\eta_{\text{overall}} = 0,843$) превышает красnodарский показатель, что указывает на более высокую предельную продуктивность инвестиций в регионах с развивающейся рекреационной базой. Иными словами, лидерский тип нуждается в политике качественного развития и расширения ассортимента рекреационных услуг, тогда как наибольшая относительная отдача достигается в регионах второго типа.

Для регионов с потенциалом роста оптимальной является политика ускоренного инфраструктурного развертывания. Здесь оправданы инвестиции в номерной фонд, транспортную доступность, событийный календарь, цифровое продвижение и маршрутизацию туристических потоков. Именно в этом типе регионов региональная власть может рассчитывать на наибольшую предельную эффективность бюджетных вложений, поскольку даже умеренное снижение инфраструктурных ограничений приводит к заметному росту туристского спроса и мультипликативного эффекта для сопряженных отраслей. Анализ чувствительности показал, что Ярославская область наиболее отзывчива к инвестиционному каналу (эластичность 0,351), а интегральный показатель $\eta_{\text{overall}} = 0,843$ является наивысшим среди рассматриваемых территорий.

Для моноотраслевых территорий, находящихся в процессе диверсификации, целесообразна политика концентрированных точек роста. Туризм здесь должен развиваться не как универсальная альтернатива базовой промышленной специализации, а как дополняющий сектор, способный создать новые рабочие места, повысить привлекательность территории и расширить налоговую базу. Значение $\eta_{\text{overall}} = 0,694$ для Кемеровской области, хотя и превышающее порог 0,5, уступает показателям Ярославской области и Краснодарского края, что подтверждает: без опережающего наращивания инфраструктуры экономический эффект от роста численности

размещенных лиц будет ограниченным. В этом случае ключевой задачей становится выбор проектов с максимальной локальной окупаемостью и минимальным риском недозагрузки созданной инфраструктуры. Таким образом, типология регионов становится не только описательной, но и нормативной основой для адресной региональной политики.

Для столичных агломераций (Москва, Санкт-Петербург) рекомендуется стратегия качественного развития туристского продукта. Высокий уровень ВДС на душу населения и диверсифицированная экономика позволяют делать акцент на культурном, деловом и событийном туризме, на цифровизации сервисов и интеграции городских пространств в туристские маршруты. Масштабное количественное наращивание номерного фонда здесь менее приоритетно, чем повышение средних расходов на туриста и продление среднего срока пребывания.

Заключение

Предложенная типология регионов России по уровню развития рекреационного сектора и результаты апробации динамической модели на трех типах территорий показывают, что единая схема туристской политики не обеспечивает максимальной эффективности использования ресурсов. Регионы-лидеры, территории с потенциалом роста и моноотраслевые регионы с точками рекреационного развития нуждаются в различной конфигурации инструментов, темпов инвестирования и целевых ориентиров. Проведенные сценарные расчеты, подкрепленные анализом чувствительности ($\pm \sim 1\%$), стохастическим моделированием (10 000 итераций Монте-Карло) и системой критериев эффективности, подтверждают, что наибольшая интегральная эффективность достигается в регионах с потенциалом роста ($\eta_{\text{overall}} = 0,843$ для Ярославской области), тогда как диверсифицированные регионы-лидеры демонстрируют высокую, но несколько меньшую эффективность ($\eta_{\text{overall}} = 0,782$ для Краснодарского края). Для моноотраслевых территорий интегральная эффективность оказывается выше порогового уровня, но ниже, чем в двух других типах ($\eta_{\text{overall}} = 0,694$ для

Кемеровской области). Наиболее высокая относительная отдача от инвестиций проявляется в регионах, где инфраструктурные ограничения еще не достигли критических значений (эластичность по инвестициям 0,351 для Ярославской области и 0,355 для Кемеровской области против 0,284 для Краснодарского края).

Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов для стра-

тегического планирования, формирования региональных программ развития туризма и распределения бюджетной поддержки с учетом типологических различий субъектов Федерации. Дальнейшее развитие исследования связано с расширением числа регионов, углублением пространственной типологии и включением в сценарные расчеты расширенного набора социальных, экологических и фискальных критериев эффективности.

Библиографический список

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система: региональные показатели / ЕМИСС. — 2025.
2. Колбовский Е. Ю., Климанова О. А. Туристско-рекреационная нагрузка в макрорегионе «Из Москвы в Санкт-Петербург»: полимасштабная оценка с использованием больших данных // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2024. — Т. 88, № 2. — С. 196–213.
3. Леонтьев В. В. Структура американской экономики 1919–1929. — М. : Госстатиздат, 1958. — 640 с.
4. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года».
5. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года. — 2019.
6. Туризм и туристские ресурсы в России : Статистический сборник. — М. : Росстат, 2024.
7. Цепилова Е. С., Давыдович А. Р., Сыркова И. С. Туристско-рекреационные кластеры в развитии туризма и индустрии гостеприимства в Российской Федерации // Сервис в России и за рубежом. — 2023. — Т. 17, 6 (108). — С. 36–48.
8. Чибилева В. П., Святоха Н. Ю., Филимонова И. Ю. Оценка современного состояния туристско-рекреационной сферы степных регионов России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. — 2022. — Т. 8, № 2. — С. 28–43.
9. Baltagi B. H. *Econometric Analysis of Panel Data*. — 6th ed. — Cham : Springer, 2021. — 425 p.
10. Dwyer L., Forsyth P., Spurr R. Evaluating tourism's economic effects: new and old approaches // *Tourism Management*. — 2004. — Vol. 25, no. 3. — P. 307–317.
11. Miller R. E., Blair P. D. *Input-Output Analysis: Foundations and Extensions*. — 2009.
12. *Tourism Economics and Policy* / ed. by M. Kozak, A. Decrop. — Cham : Springer, 2022.
13. Wooldridge J. M. *Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data*. — 2nd ed. — Cambridge, MA : MIT Press, 2010. — 1094 p.
14. World Travel & Tourism Council. *Economic Impact Research 2024*. — 2024.